

Л.В. Куркина

Заметки по русской этимологии

Хибара

Это название старого, ветхого жилища, употребительное в разговорной речи, широко известно и в русских диалектах. Истоки слова остаются до конца невыясненными. Из приведенного в словаре М. Фасмера сравнения русск. *хибара* с нем. (арго) *kabora* 'место, где прячут краденое' (Фасмер IV: 234) можно сделать вывод, что автор словаря допускает возможность заимствования из немецкого языка. Неубедительны поиски истоков слова в воровском или арестантском арго (ср. укр. арго *xavira* 'лачуга, квартира') или в еврейском языке и т.п. (Wexler 1993: 207). При более внимательном изучении лексического материала открывается возможность объяснения русск. *хибара*, древнейшая фиксация которого относится к XVII в. (Котков 1970: 142–143), на русской почве. В словаре В.И. Даля *хибара*, *хибарка* 'лачуга, хатка, ветхая избенка; плетеная мазанка' (ряз., орл., тамб.), 'каморка' (ворон.), 'кладовая для одежды' (калуж., тамб., сибир.), 'халупа' (яросл., пенз.), 'землянка' (дон.) рассматривается в окружении диал. *хибáть* 'качать, колебать', *хи́ба* 'кто или что колеблется, болгается', *хи́балка* и *хи́балда* 'баловница, шалунья', 'шатунья, распутница' (твер., пенз.) (Даль² IV: 547), с которыми в ЭССЯ (8: 153–155) соотносятся продолжения гл. **xybatí* (ср. укр. *хи́бати* 'колебать, шатать' и т.д.), **xybĕti* (ср. укр. диал. *хи́бити* 'не хватать, недоставать', блр. *хи́бець* 'гибнуть, находиться в запустении'), **xybiti* (ср. укр. *хи́бити* 'ошибаться, сбиваться с пути', блр. *хи́биць* 'ошибаться, давать промах', чеш. *chybiti* 'ошибаться, промахнуться' и т.д.), **xybnoŕti* (ср. укр. *хи́бнути* 'покачнуть, наклонить', польск. *chybnąć* 'качнуть, тряхнуть, махнуть' и т.д.). В семантике русского слова вполне определенно проступает признак, передающий состояние неустойчивости, колебание, шатание. С включением русского слова в широкий контекст диалектных связей проясняется и становится вполне очевидной принадлежность русск. *хибара* к гнезду славянских образований с основой **xyb-*. В севернорусских говорах находим названия жилища в другом суффиксальном оформлении – волог. *хи́бiть* 'временное жилище на период рыбной ловли или сенокоса, а также помещение для сушки дерна, рыбы, сетей и т.п.', арх. *хи́би́ра* 'хибара, старый дом', *хи́би́нка* 'дом, комнатка', ср. арх. *хи́бина* 'изгиб, кривизна, искривление (на стволе дерева)'. В говорах Полесья отмечено *хи́бина* в значении 'старая ветхая изба, лачуга' (Лучыц-Федарэц 153).

Новые диалектные данные расширяют общий семантический контекст образований с этой основой. В Картотеке СГРС находим гл. *хи́барiть*, у которого исходный признак неустойчивости через ступень 'находиться, пребывать в неопределенном состоянии' переносится на физическое состояние человека,

– ‘болеть’, ‘притворяться больным’, ‘клевать носом, засыпать’, ‘мучиться бессонницей’.

В таком диалектном окружении русск. *хибара* предстает как собственно русское экспрессивно окрашенное отыменное образование с корнем **хуб-* и с суф. *-ага*, который не включается в число праславянских формантов (SP 2: 21).

Хомут

Для этого слова, имеющего соответствия на всей славянской территории, восстанавливается исходная форма **хомѣтъ* / **хомоть*, которая вполне определенно объясняются как сложение с суф. *-ѣтъ* / *-оть* корня **хом-*, формально и семантически продолжающего *(*s*)*kom-* ‘сжимать. стягивать’ (~ лит. *kāta-nos* мн. ‘кожаная уздечка’, нем. диал. *Hamen* ‘хомут’ (ЭССЯ 8: 70). Хомут – это приспособление в виде округлого деревянного остова на шее лошади. Полевые записи, представленные в Картотеке СГРС, демонстрируют более широкую семантику, выходящую за пределы того значения, которое связано с деталью конской упряжи. Семантика русских диалектизмов позволяет точнее и определеннее выявить мотивацию этого термина, поскольку «углубленное понимание значения есть ... уже тем самым его реконструкция» (Грубачев 2004: 124). В севернорусских говорах находим *хомут* не только в качестве обозначения детали конской упряжи, этим словом обозначаются разного рода приспособления округлой, изогнутой формы, используемые с разными целями. В семантике этих обозначений неизменно присутствует признак ‘изгиб, округлость’: ср. отмеченные в архангельских говорах *хѡмут* ‘кольцо двух прутьев, которым соединялись бревна, когда делали плот или сплавлили лес’, *хомѹт* ‘металлическая скоба, крепящая косьё к косьевищу’, *хомѹтик* ‘ободок, крепление у косы, ловушки и т.д.’. Округлую форму имеет и обозначаемое словом *хѡмѹт* в вологодских говорах приспособление из прутьев, которым покрывали стог, чтобы не раздувало сено и соломенный жгут, выполняющий роль решета, с помощью которого процеживают пиво. По материалам картотеки СГРС в диалектах прослеживается переход названия на материал, который использовался при изготовлении того или иного приспособления. Таким наиболее часто используемым материалом были гибкие прутья ивы: ср. *хѡмѹт* ‘черемуховая гибкая ветвь для связывания плотов’ (арх.), ‘ветвь, которой связывали плоты’ (волог.), ‘гибкое дерево, употребляемое для изготовления обручей’ (волог.).

В диалектах *хомут* функционирует и в качестве названия природных объектов, имеющих округлую форму: ср. *хѡмут* ‘изгиб, петля реки’ (волог.), ‘продолговатая возвышенность’ (арх.). Изменения в технике привели к замене жесткого воловьего ярма, ига, которое имело форму палки и которое душило лошадь. С использованием лошади как тягловой силы появился дугообразный остов на шее лошади. В некоторых примерах, записанных в вологодских

говорах, лексема *холмѹтница* в значении ‘большая игла’ функционирует как обозначение яра.

Семантика слав. **xomŏtь*/**xomotь* служит ориентиром в поисках близкородственных образований с корневой частью **xom-*. В картотеке СГРС слова с тем же корнем служат обозначением неровного рельефа местности: ср. арх. *хам*, *хамовѹтник*, *хамѹнка* ‘кочка, бугор, холм’, *хам*, *хамьѣ* ‘неровное место, где плохо косить’, *хамѹн* ‘небольшой холм, возвышенность’, *хамѹвье* ‘неровное, кочковатое место’ и т.д. Признак изогнутости, возвышения определяет семантику диал. арх. *хамѹк* ‘опухоль, шишка’, ‘гриб на стволе дерева’ и ‘слой дерна, которым обычно покрывают стог’. Поиски особой этимологии для севернорусских диалектизмов с основой *хом-* представляются неубедительными. В говорах, занимающих северную периферию, сохраняется немало лексических архаизмов, утраченных или слабо сохранившихся на остальной территории. Диалектизмы с основой *хом-*, обозначающие рельеф местности – один из примеров такого рода. По всем параметрам они не выходят за рамки этимологического гнезда слав. **skom-*, поэтому кажется излишним и несколько искусственным обсуждение возможной связи *хам* и *ком* с меной *х/к* под влиянием субстрата, семантической контаминации с *холм* (Штинова 1991: 107–112).

Морѹга

В диалектных словарях можно найти лексические архаизмы, слабо сохранившиеся или утраченные славянскими языками. К числу редких лексических архаизмов можно отнести русск. диал. *морѹга* ‘мягкий, вязкий грунт на дне озера’, отмеченное в центральных районах Красноярского края (Краснояр. сл. 2: 350). В СРНГ (18: 269) это слово отсутствует, приводятся лишь производные от него формы *мороговѹтѹй* ‘плохо видящий’ (перм.), *морѹговать* ‘брезговать’ (перм., енис.), *мороговать* ‘стать пасмурной, облачной (о погоде); идти (о дожде)’ (вят.), *морѹгуша* ‘туча’ (Ср. Урал). Русский диалектизм интересен тем, что расширяет географию слав. **morga*, к отражениям которого в литературе относят лишь польск. гидр. *Mroga*. Славянский диалектизм, родственный лтш. *mařga*, *mārga* ‘тихий дождь’, лит. *mārgas* ‘пестрый’, *māřguoti* ‘переливаться’ интересен еще и отражением в корне вокализма в ступени –о-. Исходная ступень –е- в корне представлена в гл. **meržiti* (ср. русск. диал. *мерѹжить* ‘казаться, мерещиться’, ‘пестрить, рябить; брезжить, начинать светать’ (курск., волог.), блр. *мерѹжьць* ‘идти мелкому дождю’, *мерѹжьщца* ‘мерещиться’, чеш. *měžit se* ‘мелькать перед глазами во время дремоты’), **mergьь* (ср. укр. *мерѹгий* ‘бурый, с темными полосами (о масти)’) (ЭССЯ 20: 5–7; 18: 98).

Слав. диал. **morga* является вариантом к *морѹгѹ* ‘мелкий, с изморозью дождь; изморось’, ‘дождь со снегом’ (арх., волог., твер., север.) (СРНГ 18: 270). Производный от него гл. **moržđiti* ограничен в своем распространении

русскими диалектами: ср. русск. диал. *морозжить* ‘моросить’ (ЭССЯ 20: 16), костр. *морожжат* безл. ‘рвать (о большом количестве предметов)’, ср. *Когда ягод много, ... морожжит, но брать нельзя – больно мелкие* (К–ка СГРС).

Хббарь

Полевые записи, проведенные уральской диалектологической экспедицией 2007 г., предоставляют исследователям новый лексический материал, расширяющий возможности интерпретации некоторых групп лексики. К числу редких диалектизмов, не отмеченных в словаре В.И. Даля, могут быть отнесены записанные на Вологодской земле, *хббарь* ‘озорной парень’, ‘ухажер, кавалер’, ‘непутевый человек’, ‘весельчак, бесшабашный человек’, ‘задиристый, самоуверенный (о мужчине)’, ‘тот, кто ругается матом’, *хббарем* ‘о плохом расположении духа’. Не вызывает сомнения принадлежность русских диалектизмов к гнезду слав. **xabiti* (ср. русск. диал. *хабить* ‘хапать, хватать, присваивать’, русск. *похабный* и т.д.), сближаемого с лит. *skõbti* ‘скрести, вырезать, долбить’ (ЭССЯ 8: 8). Вариант основы с корневым вокализмом в степени -о- предполагается для слав. **xobotъ* (ср. русск. диал. *хобот* ‘хвост’, ‘изгиб, кривой мыс’, ‘излучина, извилина реки’, ст.-слав. *хоботъ* ‘хвост’, русск. диал. *хобень* ‘мешковатое платье’).

Оскомыла, оскомылиты

Многие диалектные слова, впервые зафиксированные на Русском Севере на территории Вологодской, Костромской, Архангельской областей, расширяют состав русского словаря. Выявляемые в ходе анализа особенности структуры и семантики севернорусских диалектизмов позволяют углубить интерпретацию некоторых этимологических гнезд.

К числу таких диалектизмов может быть отнесено *оскомылиться* ‘оскалиться’, которое по одной из версий представляет собой сложение архаичного преф. *ско-* и незасвидетельствованного гл. ***мылиться* с предполагаемым для него значением ‘кривить, косить’. Этот глагол включается в ряд соотносимых образований с архаичными преф. **x-*, **xa-*, с преф. **ob-*, ср. *обмыляться* ‘ухмыляться, скаля зубы’, ‘насмехаться, издеваться’ (вят., арх., перм.), *хмылить*, ср. *хмылить кирпич* ‘обтесывать’, *захмылиться*, *захмыливаться* ‘загибаться, прогибаться, провисать, опускаться, образуя впадину’, блр. *хамылиць* ‘ковылять, периодически наклоняться в одну сторону’ и т.п. (Меркулова 1982: 40–41; ср. ЭССЯ 28: 101). В этом же гнезде рассматривается калин. *оскомылок* ‘человек маленького роста’ и ‘обмылок’ (< ‘кусочек чего бы то ни было’). При допустимости именно такой интерпретации, основанной на большой семантической близости и правилах словообразования, наиболее уязвимым моментом остается отсутствие производящего глагола. На наш взгляд, проясне-

нию исходной ситуации может способствовать анализ внутренних связей гл. *оскомы́литься* в русских диалектах. Через очевидные словообразовательные связи раскрывается морфемный состав глагола. В диалектах находим группу образований, в составе которых основа *оском-* получает разное суффиксальное оформление. Наиболее частотным является гл. *оскомы́лить* с исходом на *-ы́лить*: ср. еще костр. *оскомы́лить* ‘передразнить’, новг. *оскомы́лить голову* ‘прижав уши, оскалиться, собираясь укусить (о лошади)’, *оскомы́литься* ‘усмехнуться; обозлиться’ (ср. *Ты что оскомы́лилась?*), ‘рассмеяться без причины’, волог. ‘часто и некстати улыбаться, смеяться’, сев.-двин. ‘застыдиться, краснея; смущаться’) (К–ка СГРС и СРНГ 24: 14–15). Однако в диалектах встречаются и глаголы, оформленные экспрессивными расширителями *-ы́рить*, *-ы́жить*: ср. *оскомы́рить* ‘смеяться над человеком за его спиной’, ‘обозлить’, *зубы оскомы́рить* ‘начать стучать зубами’ (К–ка СГРС: костр.), *оскомы́житься* ‘глупо, некстати ухмыльнуться, ослабиться’, по всем признакам производный от *оскомы́га*, употребляемом в том же значении, что и (яросл., волог., КАССР) *оскомы́ла* ‘зубоскал, зубоскалка’, ‘о лошади, оскаливающей зубы’ (СРНГ 24: 14–15). Эти примеры вполне определенно указывают на иной морфемный состав глагола, а именно на основу *оском-*. Сложный характер этой основы вытекает из сопоставления с диал. *скамéть* ‘вызывать ощущение оскомины’ (север.), *скамíть* ‘болеть, ныть, щемить, ломить (о какой-л. части тела)’, ‘страдать от болезни, недомогать’ (олон., север.), ‘тосковать, скучать, переживать’ (волог., арх.), ‘говорить с насмешкой о ком-л., насмешничать’ (яросл.) и т.п. (СРНГ 28: 71). Как видно из приведенного материала, вся группа глаголов принадлежит к гнезду слав. **ob-skom-* (ср. *оскоми́на*, с другим вокализмом в корне *щемíть*) (Фасмер III: 160). Исходная семантика основы ‘жать, давить, щемить’ преобразовывалась в разных направлениях: ‘щемить’ > ‘тосковать, желать’ > ‘алчный’ (ср. *оскомы́ливаться* ‘смотреть на что-то с намерением заполучить’), ‘щемить’ > ‘болеть, недомогать’ > ‘осунуться, уменьшиться’ > ‘осколок’: ср. костр. *оскомы́литься* ‘осунуться, похудеть’ (Ср. не похудел, а *оскомы́лился*, т.е. был такой широкий, а превратился в *оскомы́лок*) (К–ка СГРС), ср. арх., олон. *оскомы́лок* бранное слово: *Пошел прочь, оскомы́лок!* (СРНГ 24: 15). В диалектах наряду с *оскомы́лок* находим *оскомёлок* ‘остаток, обрубок полена’, ‘изломанная метла; оббитый, негодный для употребления веник’, семантика которого явилась результатом влияния со стороны гл. *мести*, *мёл*.

Из всего сказанного выше следует, что гл. *оскомы́литься* этимологически никак не связан с гл. *хмы́лить*, истоки его в гнезде слав. **skom-* / *šcem-*.

ЛИТЕРАТУРА

- К–ка СГРС – Картотека «Словаря говоров Русского Севера». Кафедра русского языка и общего языкознания. Уральский государственный университет.
 Котков 1970 – Котков С.И. Очерки по лексике южновеликорусской письменности XVI–

- XVIII веков. М., 1970.
- Краснояр. сл. – Словарь русских говоров центральных районов Красноярского края. Т. 1 (А–Д), Красноярск, 2003; т. 2 (Е–М). Красноярск, 2005.
- Лучыц-Федарэц – *Лучыц-Федарэц І.І.* Будаўнічая тэрміналогія // Лексіка Палесся ў прасторы і часе. Мінск, 1971.
- Меркулова 1982 – *Меркулова В.А.* Восточнославянские этимологии // Этимология 1982. М., 1985.
- СРНГ – Словарь русских народных говоров. Вып. 1–39. Л., 1966–
- Штинова 1991 – *Штинова Г.Н.* Две севернорусские этимологии // Этимологические исследования. Екатеринбург, 1991.
- Трубачев 2004 – *Трубачев О.Н.* Приемы семантической реконструкции // Труды по этимологии. Слово · История · Культура. М., 2004.
- Фасмер – *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Перевод с нем. и дополнения О.Н. Трубачева. Т. I–IV. М., 1964–
- ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков. М.: Наука. 1974.
- Wexler 1993 – *Wexler P.* Judeo-Slavic Linguistics: Aims, Accomplishments and Future Goals // *Jews and Slavs* 1, 1993.